

Из церковно-общественной жизни

Г. Н. Б—ов в «Гражданине» рисует трудовую деятельность монахинь Феодоровского монастыря: с. 702

Как-то после обеда матушка игуменья предложила нам съездить в пустынку.

— Вы уже съездите, дорогой мой, осмотрите мои пустынки — это моё любимое детище. Нелегко было создавать их, так нелегко, как и сказать трудно. Мать Евпраксия, да скажи-ка ты лошадку заложить, да пусть матушка Феофания отвезёт гостя в пустынку.

Через полчаса я уже сидел в маленькой тележке, запряжённой парой лошадок, которыми правила мать Феофания.

— А кучер ваш где? — спросил я Феофанию.

— Кучера, батюшка, у нас нет. Кучером езжу я — мать Феофания. Езжу без малого... двадцать лет! Да... а вы что думали? Монахини справляться с лошадьми не могут? И как ещё могут! Я генералов на станцию возила, купчих катала, возы с сеном провозала. И на каких, каких лошадях я не езжала!.. Разные были.

— Ну, как же на вас в городе смотрят? — спросил мать Феофанию мой спутник.

— Как смотрят-то? Да никак не смотрят. Сперва «дивились», говорили: смотри, едет кучер в рясе и апостольнике; другие посмеивались; а теперь, батюшка, все привыкли, словно так и быть должно. Да что за диво, что я на козлах сижу? — продолжала мать Феофания, — что за диво, коли у нас монахини все ремёслами занимаются?

Вон у нас на водокачке с керосиновым двигателем монахиня стоит — «Маша-слесарь», как её прозывают, а коли где на скорую руку покрасить надо, кого звать, маляра из города? — нет, «Пашу-маляра».

Эх, батюшка, у нас свои в апостольниках мастера на все ремёсла есть. Если бы на все работы рабочих и мастеров нанимать, так нашим сёстрам давно по миру пришлось бы идти. Никаких средств монастырю не хватило бы расплачиваться.

Мы подъезжали к Алексеевской пустынке. На пологом скате среди леса стоял прелестный монастырь, обнесённый высокой белой стеною. У подножия горы раскинулся широкий луг, усеянный монахинями в белых платочках, метавшими в копны пахучее сено.

— Вот как у нас работают, — показала мне кнутом мать Феофания. — Третьего дни косили, сегодня копнят, а дня через два они же и возить будут.

Загорелые лица, простые холщовые серые юбки, белые платочки как-то особенно привлекали внимание к монастырским труженицам. Ни на одном лице не видно было недовольствия; утомление — пожалуй, но ведь и встали-то они сегодня с раннего утра. Отстояли заутреню и... на луг до вечера. с. 703

— А хорошо у вас сложена стена, словно кремль московский, — заметил мой спутник, обращаясь к матери Евпраксии.

— Уже не знаю, батюшка, худо ли, хорошо ли сложена она, а знаю, что клали мы её крепко.

— Как, вы? — переспросил я Евпраксию.

— Мы, — ответила она утвердительно и несколько недовольная моим вопросом. — Мы, батюшка, мы, монахини, такие вот, как я, клали эту стену. Что же вас дивит в этом? Что монахини кирпичную кладку делали, — это дивит вас? Так ведь мы не одну эту ограду клали, — да, не одну. Церковь здешнюю клали наши монахини. В Берендееве храм клали

они же, в Борисоглебской пустыни церковь во имя Бориса и Глеба сложили тоже монахини. А кирпичи, вы думаете, кто делал? Монахини всё те же.

Осматривая несколько дней спустя Борисоглебскую пустынку, мы видели тот самый монастырский кирпичный завод, о котором говорила мать Евпраксия, тот самый завод, который, вырабатывая в год до 150 тысяч кирпичей руками монахинь, часть материала отпускает на продажу, а другую часть отдаёт на всевозможные монастырские постройки.

(Из газеты «Колокол», № 2189.)